

нащупывался большой прямоугольный предмет, стоящий на дне торцевой стороной. Это породило версию, что после того, как большевики сожгли старую часовню в 1929 году, верующие сбросили камень в колодец ради спасения от поругания. Но также существует и другая версия, что кто-то из местных жителей украл этот камень.

В начале XXI века в Проще заново построили маленькую часовню, в которой есть иконы, и двери в этой часовне никогда не закрываются. Давняя традиция богослужений в Проще была вновь возрождена. Так, со слов Коваленко Михаила Адамовича, 1964 г. р., жителя городского поселка Октябрьский: «Крестный ход в Прощу совершается ежегодно. Шествие начинается от церкви Покрова Пресвятой Богородицы в городском поселке Октябрьский. Храмовую икону несут впереди процессии, которую, как правило, возглавляют священник, который перед часовней в Проще проводит специальное богослужение». Также над источником был построен бревенчатый колодец, для того чтобы людям было удобнее набирать воду.

Водой из Прощи умываются, ее пьют, ею обрызгивают различные предметы. Со слов Себелевой Анжелы Ивановны, 1967 г. р., святая вода применима в свадебном обряде для ритуального очищения обручальных колец. Накануне бракосочетания обручальные кольца необходимо очистить и заговорить. Для этого мать жениха должна взять емкость со святой водой и нашептать необходимые молитвы. Затем 15–20 минут кольца должны полежать в воде, потом мать жениха должна их вытащить. И теперь, кроме нее, к этим кольцам никто не имеет права притрагиваться до самого бракосочетания. Если же этот запрет кто-нибудь нарушает, то процедуру освещения необходимо провести заново. Известны и другие способы применения святой воды.

В любое время года жители не только близлежащих деревень, но и со всей Беларуси, едут в Прощу за духовной поддержкой и целебной водой. В лесную часовенку, как в сокровищницу историко-культурного наследия предков, нередко навещают гости района и экскурсанты. В настоящее время к святому источнику в Проще привозят людей на экскурсию. В Прощу едут молодожены после бракосочетания, так как верят в то, что при посещении этого святого источника в их уже состоявшейся молодой семье будет царить мир, любовь, взаимопонимание и счастье. Молодожены по-прежнему верят, что их молодая семья здоровой, что у них родятся здоровые и красивые дети, так как на камне который лежит в Проще, был отпечаток ступни детской ноги. Хотя сам камень с отпечатком исчез, но люди верят в чудодейственную силу отпечатка на камне.

Издrevле белорусы наделяли родники сакральным смыслом, а саму воду считали целебной. Раньше вода ценилась, как мощная святыня, так как с ее помощью люди утоляли свою жажду и потребности в духовном очищении. Тот, кто однажды попробовал на вкус родниковую воду, поймет, почему необходимо оберегать и сохранять этот природный дар, которой есть на белорусской земле.

Литература

1 Беларусь : Сучасныя этнакультурныя працэсы / Г. І. Каспяровіч [і інш.]; пад рэд А. І. Лакотка. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 607 с.

УДК 811.112.2'367.5

Е. А. Свириденко

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ИСТОРИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена проблеме синтаксического устройства предложения современного немецкого языка. Здесь раскрыты важнейшие аспекты становления немецкого синтаксиса и дана сравнительная характеристика основных изменений в

синтаксической структуре предложения на разных этапах. Проанализирована структура предложений и рассмотрено функционирование некоторых моделей предложений в немецком языке на современном этапе.

Вопрос о синтаксической структуре предложения немецкого языка всегда находился в центре внимания лингвистики, поскольку развитие синтаксической системы каждого языка – это сложный, комплексный процесс, к которому можно подходить с разных сторон. А непосредственно само раскрытие предыстории синтаксического становления немецкого языка возможно только путем сравнительно-исторического исследования.

Следует отметить, что становление синтаксической структуры предложения происходило поэтапно. Каждый этап, начиная от древневерхненемецкого и заканчивая новеверхненемецким, привносил определенные новшества, которые не противоречили друг другу, а лишь взаимодополняли уже наступившие на предыдущих этапах изменения [1, с. 79].

Особое внимание хочется обратить на изменения, происходившие в древневерхненемецкий период, поскольку именно он является определенной точкой отсчета в становлении синтаксической структуры современного предложения. В это время уже ощущается известное стремление к ее упорядочению, закрепляется и становится правилом ряд действующих ранее тенденций, например, место определений, выраженных прилагательными, причастиями и местоимениями; размещение глагола на втором месте в повествовательном предложении. В это же время происходит интенсивное развитие сложного предложения, появляется ряд новых союзов, формируются и развиваются новые модели сложного предложения, складываются нормы порядка слов в сложном предложении, действующие в современном немецком языке.

В средневерхненемецкий период происходит создание главных предпосылок для развития литературного немецкого языка. Ещё больше укрепляется тенденция развития особого порядка слов в простом и сложном предложениях [2, с. 158–159].

Основными изменениями в структуре предложения новеверхненемецкого периода является окончательное закрепление нормы порядка слов в простом предложении, установление рамочной конструкции, дальнейшее развитие сложного предложения. Синтаксическая структура данного периода приобретает комплексность и отличается от синтаксиса предыдущих эпох большей сложностью. На начальном этапе этого периода впервые стали применять знаки, которые отделяли смысловые части предложения. До этого использовались только точки, которые отделяли одно самостоятельное предложение от другого.

Необходимо отметить, что изучение синтаксической структуры сложного предложения и видов связи в нем всегда привлекало особое внимание исследователей, в особенности – становление подчинительной связи и ее изменение в процессе развития немецкого языка. Основным моментом синтаксических исследований этого рода является установление взаимосвязи между системой сочинения и подчинения. На современном этапе, в условиях определенного переустройства структуры немецкого предложения, это становится особенно актуальным. Рассматриваются две основные концепции, в рамках которых, с одной стороны, сложноподчиненное предложение понимается как сочетание предложений, каждое из которых сохраняет свою принципиальную самостоятельность и не утрачивает своих существенных признаков, с другой стороны, как целостная синтаксическая единица, в которой ее составные компоненты теряют свою первоначальную коммуникативную самостоятельность, претерпевая определенные изменения под влиянием новой синтаксической связи [3]. Последняя точка зрения получила наибольшее признание и распространение. Но среди ее сторонников нет единого мнения, до какой степени компоненты нового коммуникативного единства теряют свою самостоятельность и каким образом основные свойства формальной и смысловой организации исходных простых предложений сочетаются со свойствами нового качества в условиях единого коммуникативного целого.

Сочинение и подчинение объективно существуют в языке и представляют собой

смысловые категории, которые находят определенное формальное выражение в языке. Смысловое различие сочинения и подчинения состоит в том, что при сочинении части сложного предложения, соединенные союзом, равноправны, в то время как при подчинении одна часть находится в зависимости от другой, тем или иным способом обслуживает ее. Подчинение признается результатом более позднего языкового развития, чем сочинение – «как все простое древнее сложного, так и сочинение древнее подчинения» [4, с. 445]. Это видно уже из того, что подчинительные союзы довольно ясно обнаруживают свое происхождение, а сочинительные являются своего рода исконными.

В условиях перехода от примитивного мышления к более высокому уровню, особенно с развитием письма, науки и литературы возникает необходимость передачи с помощью грамматических средств более сложных логических отношений внутри предложения. На наш взгляд наиболее ярко эти процессы проявились в немецком языке, в результате чего в немецком предложении начала развиваться особая синтаксическая перспектива, приведшая к возникновению достаточно уникальной и своеобразной картины сложноподчиненного предложения. Широкое развитие подчинения мы наблюдаем в конце VIII в. в литературном и научном языке, в книжном языке в целом, в то время как сочинение остается характерным для устно-разговорной и диалектной речи.

Древневерхненемецкий язык имел значительно меньше сочинительных союзов, чем современный немецкий язык, круг логических отношений, выражаемый этими союзами, был более ограничен. Сочинительные союзы служили преимущественно для выражения присоединительной и противительной связи. Выражение в сложносочиненном предложении разветвленных причинно-следственных отношений с помощью современных немецких союзов *denn, folglich, darum, infolgedessen* и др. для древнего немецкого языка было нехарактерно.

На более раннем этапе, в период бытования устной формы немецкого языка структура сложноподчиненного предложения еще практически не отличается от структуры сложносочиненного. Это состояние можно проследить на примере организации сложноподчиненного предложения готского языка, воплощающего основные черты предшественника древневерхненемецкого языка.

Структура сложноподчиненного предложения немецкого языка предполагает следующие основные отличительные особенности: особый по сравнению с сочинением порядок словорасположения как внутри его отдельных компонентов, так и в самом предложении в целом, и четко дифференцированная система подчинительных союзов. Несмотря на то, что синтаксис готского сложноподчиненного предложения представлен определенными структурными образцами и служебными словами, выражающими различные типы подчинительных связей, он еще в принципе не отличается от сложносочиненного. Например:

(1) *Iesus usiddja mip siponjam seinam ufar rinnon po Kaidron, **parei** was aurtigards, **in panei** galaip Iesus jah siponjos is* (Иисус вышел с учениками своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Иисус и ученики его).

(2) *paruh aftra afaiaik Paitrus, **jah** suns hana hrukida* (Тогда Петр опять отрекся, и тотчас зашел немых) [5].

В примере (1) содержится сложноподчиненное предложение, в примере (2) – сложносочиненное. Из обоих примеров следует, что порядок членов предложения, в первую очередь подлежащего и сказуемого, средством выражения подчинительной связи не являются. Исходя из порядка слов перед нами как бы примеры сочинительной связи, при которой сложные предложения образуются путем соединения нескольких простых с преобладанием в отношениях между ними аппозиции и примыкания.

Следует также отметить, что уже в готском языке постепенно начинают вырабатываться особые структурные признаки типа предложения, которое в немецком языке будет называться подчиненным, а также обратный порядок слов в главном предложении, если оно следует за подчиненным. Зародившаяся в общегерманскую эпоху

тенденция к особому оформлению сложноподчиненного предложения закрепляется и развивается в древневерхненемецком языке.

Закрепление устойчивой модели сложноподчиненного предложения, типичной для современного немецкого языка, датируется периодом раннего нововверхненемецкого языка (XIV–XVI вв.). Здесь сложноподчиненное предложение уже обладает основными и второстепенными грамматическими признаками, отражающими сущность подчинения как особой синтаксической связи: специфическое словорасположение в главном и подчиненном предложениях, строго дифференцированная система подчинительных союзов, а также наклонение и интонация. В более поздний период окончательно формируется развернутая система логических форм союзного подчинения, существующая в современном немецком языке.

В результате практического анализа примеров из художественной литературы нами было установлено, что синтаксическое деление союзов на сочинительные и подчинительные является в некоторых случаях условным, и в конкретном контексте можно наблюдать появление неразделимых значений отдельно взятых сочинительных и подчинительных союзов. Это касается, например, союзов *denn* и *weil*:

Ich muss bald nach Hause gehen, denn es ist schon spät.

Ich kann dich nicht verstehen, weil du sehr schnell sprichst.

Весьма показательно дальнейшее взаимодействие союзов *weil* и *denn*. Оба эти союза непосредственно соотносятся с исконным немецким союзом со значением *потому что*, который в древневерхненемецком языке выступает в форме *wanta*. Именно *weil* и *denn* на протяжении столетий конкурировали в причинном значении с союзом *wanta* и вытеснили его в 15–16 вв. из употребления.

Фактическое *weil* в обычном придаточном предложении непосредственно соотносится с пропозицией в главном и интегрирует придаточное предложение в единство более высокого порядка. При таком употреблении союз *weil* конкурирует в устной речи с сочинительным союзом *denn* и формально становится его эквивалентом. Их семантическая дифференциация при этом очень незначительна. Такая ситуация возникла, скорее всего, в результате их исторического взаимодействия, и сейчас мы имеем дело с разделением их сфер употребления в паратаксисе.

В современной научной литературе уже имеются исследования, посвященные этому взаимодействию двух союзов. Так, М. В. Денисова предлагает рассматривать *weil* с постановкой глагола на втором месте как аналог русской связки *а то*. Например: *Was bin ich froh, dass endlich renoviert wird! Weil / Denn bei uns sieht es inzwischen so verboten aus, dass man nichtmehr hinsehen kann (Как я рада, что ремонт! А то дошли до такого безобразия, что противно смотреть)* [6, с. 78]. М. В. Денисова считает, что *weil* является в таком контексте примером синкретизма каузальных, условных и следственных отношений, при котором они переплетаются и тесно взаимодействуют друг с другом.

На примере взаимодействия анализируемых союзов мы наблюдаем, как традиционные грамматические элементы могут быть задействованы для выражения в рамках сложного предложения новых логических отношений при отражении усложняющихся связей объективной действительности. В новых условиях эти элементы дополняют друг друга и переkreщаются друг с другом, дифференцируя таким образом более емкие виды синтаксической связи, необходимые для обеспечения специфических условий общения.

Литература

- 1 Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – М.: Издательство литературы на иностранном языке, 1995. – 164 с.
- 2 Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка / В. Г. Адмони. – М.: Высшая школа, 1963. – 296 с.
- 3 Гулыга, Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е. В. Гулыга. – М.: Высшая школа, 1971. – 206 с.

4 Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

5 Чемоданов, Н. С. Хрестоматия по истории немецкого языка / Н. С. Чемоданов. – М.: Высшая школа, 1978. – 288 с.

6 Denisova, M. V. Zur Satzverknüpfung mit dem deutschen weil und sonst sowie dem russischen a to in der gesprochenen Sprache / M. V. Denisova // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch Russland. – Bonn, 2008. – S. 77–102.

УДК 316.4:321.7:340.155

М. А. Скулимовская

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАНЗИТЫ

В статье рассматриваются особенности переходных процессов в государствах Центральной и Восточной Европы в рамках теории демократического транзита. Среди факторов, повлиявших на осуществление варианта демократизации, определены: стартовые условия, уровень общественного развития, доминирующие политические силы в странах указанного региона.

Понятие «модернизация» возникло в политологии в 1960-е гг. для обозначения процессов развития, происходивших в развивающихся странах. Теории модернизации основывались на методологии анализа традиционного и современного общества, разработанной М. Вебером, Ф. Теннисом и Э. Дюркгеймом, критериях социального и политического развития, сформулированных Т. Парсонсом, Л. Паем и др. В политологии исследованию процессов модернизации были посвящены работы Г. Алмонда и Л. Пая, Д. Аптера и С. Липсета, Ш. Айзенштадта и С. Хантингтона, Д. Растоу и Ф. Шмиттера [2, с. 431]. На основании теории модернизации важное значение в 90-х годах имело явление политических транзитов.

На теоретическом уровне проблемой демократических транзитов занимались многие учёные, наиболее авторитетным из которых был С. Хантингтон, выделивший несколько исторических моделей перехода к демократии. Первую модель он обозначает как циклическую. Ее содержанием выступает попеременная смена авторитарного режима демократическим, а демократического авторитарным. Вторая модель обозначается им как модель второй попытки. Демократия в странах, осуществлявших модернизацию, устанавливалась только после второй попытки транзита. Здесь авторитарный режим сменялся демократическим. По причине низкой эффективности демократия терпела поражение, после чего вновь устанавливался авторитарный режим, который во второй раз сменялся демократическим. Третью модель американский политолог называет прерванной демократией. Она характеризуется поражением демократических сил и неудачей перехода к демократии. Четвертая модель связывается им с прямым переходом от авторитаризма к стабильной демократии. И наконец, пятая модель – модель деколонизации – предполагает введение демократии «сверху» бывшими метрополиями в деколонизировавшихся странах [2, с. 439].

Итоги и результаты демократического транзита Хантингтон связывает с борьбой между несколькими акторами. К ним он относит: реформистскую и консервативную части правительства, а также радикал-экстремистскую и умеренно демократическую оппозицию. Реформистская часть правительства, в свою очередь, подразделялась им на либеральных и демократических реформаторов [2, с. 440]. И демократические реформаторы в правительстве, и умеренные демократы в оппозиции заинтересованы в демократизации режима. В то же самое время консерваторы заинтересованы в сохранении авторитаризма, а радикал-экстремистская часть оппозиции – в изменении режима, но не обязательно в демократическом направлении.